

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

DOI: 10.31862/1819-463X-2023-1-11-16

ТОЛСТОВСКИЙ НЕОМИФ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А. А. АХМАТОВОЙ

В. В. Курьянова

Аннотация. В статье на материале творчества А. Ахматовой рассматриваются элементы толстовского текста как именно сверхтекста литературы. Утверждается, что основой этого текста является миф о Л. Н. Толстом. Миф о Л. Н. Толстом – неомиф, сложившийся еще при жизни писателя из константных представлений о его личности, жизни и творчестве, которые в силу их повторяемости у разных авторов и в разных произведениях мифологизируются в общественном сознании. Толстовский миф активно развивается на протяжении полутора столетий, но особую актуальность получает в начале XX в. в период популяризации духовного наследия писателя и осмысления его трагического ухода из собственного дома. Анализируется структура толстовского мифа, выявляются свойственные ему мифологемы (мифологизированные константные представления), созданные и воспроизведенные А. Ахматовой в соответствии с собственным поэтическим мировидением, личным отношением к творчеству и личности Л. Н. Толстого. В свете поставленной проблемы рассматриваются лирика поэта, ее мемуаристика, воспоминания, записанные с ее слов.

Ключевые слова: сверхтекст, именной текст, толстовский текст, биографический миф, неомиф о Л. Н. Толстом, А. Ахматова.

Для цитирования: Курьянова В. В. Толстовский неомиф в творческом сознании А. А. Ахматовой // Наука и школа. 2023. № 1. С. 11–16. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-1-11-16.

TOLSTOYAN NEOMYTH IN THE CREATIVE MIND OF A. A. AKHMATOVA

V. V. Kurianova

Abstract. The article examines the elements of Tolstoy's text as a nominal supertext of literature on the basis of A. Akhmatova's work. It is argued that the basis of this text is

© Курьянова В. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

the myth of Leo Tolstoy. The myth of Leo Tolstoy is a neo-myth, which was formed during the writer's lifetime from the constant ideas about his personality, life and work, which due to their repetition by different authors and in different works are mythologized in the public consciousness. Tolstoyan myth has been actively developing during a century and a half, but it gained a special topicality at the beginning of the twentieth century during the popularization of the writer's spiritual heritage and comprehension of his tragic departure from his own home. The author analyses the structure of the Tolstoy myth and reveals its typical mythologemes (mythologised permanent representations), which were created and reproduced by A. Akhmatova according to her own poetic worldview, her personal attitude to Tolstoy's works and personality. In the light of the problem posed, the poet's lyrics, her memoirs and memoirs recorded from her own words are examined.

Keywords: *supertext, Tolstoyan text, nominal text, biographical myth, neomyth of L. N. Tolstoy, A. Akhmatova.*

Cite as: Kurianova V. V. Tolstoyan neomyth in the creative mind of A. A. Akhmatova. *Nauka i shkola*. 2023, No. 1, pp. 11–16. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-1-11-16.

В современном литературоведении активно исследуются большие текстовые структуры, разграничивая по общности референта разные типы таких текстов на топосные, событийные или именные [1]. Толстовский текст как именной (персонический) свертхтекст проявляется в художественном творчестве по-разному. Выбор того или иного варианта интерпретации зависит от восприятия поэтом или писателем толстовского мифа, закрепленного мифологизированными константными представлениями в обществе.

В основу именного свертхтекста положен биографический миф, который направлен двухвекторно: либо на сакрализацию личности того или иного художника, либо на ее профанирование. При этом выбор одного из двух возможных направлений связан с мироощущением автора, особенностями его биографии, отношением к конкретной исторической фигуре в семье создателя мифа (очень важны здесь воспоминания детства, поскольку именно в детстве, отрочестве человек ищет значимые фигуры, определяющие его взросление, и такими фигурами становятся люди известные, выдающиеся), мнение его окружения, а также

специфические особенности литературного течения, в рамках которого существует интерпретатор [см., напр.: 2].

Общественно-литературная ситуация начала XX в. – радикальность настроений и желание обновления, формировавшееся в писательской среде, – требовала новых «идолов» и поэтому не могла обойтись без свержения устоявшихся авторитетов. Под перо ниспровергателей попадали прежде всего представители творческой интеллигенции и их произведения. И конечно, первым в этой череде писателей-классиков был Лев Толстой как авторитет несомненный и всеми признанный.

Однако фигура писателя была столь грандиозна, что именно Толстой в ситуации социально-литературного нигилизма сумел выстоять, несмотря на многочисленные попытки профанирования его образа. И тому, как видится, было несколько причин, но главная заключалась в том, что «великий Лев русской литературы» сам был своеобразным оппозиционером существующему общественному строю. Всевозможная критика могла касаться его спорной идеологической позиции, но никак не его безусловно высокой

писательской и человеческой репутации. Поэтому представители русского модернизма испытывали перед писателем несомненный пиетет.

По воспоминаниям А. Ахматовой Л. Толстой был без преувеличения первым писателем, с творчеством которого она познакомилась: «Читать научилась очень поздно, кажется, семи лет (по азбуке Льва Толстого)» [3, с. 181]. Сам писатель считал создание «Азбуки» важным направлением своей деятельности, тщательно прорабатывал собственную методику обучения, писал многочисленные художественные тексты для детей. Целью была ликвидация безграмотности и нравственное воспитание, пособие переиздавалось множество раз и пользовалось большой популярностью.

А. Ахматова в начале творческого пути старательно создавала собственный автобиографический миф и также старательно потом пыталась развеять миф, создаваемый другими в разные годы ее жизни. Она писала опровержения, давала многочисленные интервью, общалась со своими друзьями, биографами, поклонниками. В своих воспоминаниях дату своего рождения она соотносит в том числе и с Толстым: «Я родилась в один год с Чарли Чаплином, “Крейцеровой сонатой” Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом» [3, с. 164]. Для Ахматовой важность и Толстого, и конкретно этого произведения очевидна. И Чаплин, и Эйфелева башня, и «Крейцера соната» – приметы прихода новой эпохи, которая даст миру кинематограф, массовую культуру, новый взгляд на гендерные отношения. Так поэт включает себя в исторический контекст России.

В листке дневника о Модильяни и Париже 1910 г. возникают те же символы смены эпох: аэропланы кружатся над «ржавой и кривоватой современницей – Эйфелевой башней», «по Парижским бульварам разгуливал в качестве неизвестного молодого человека еще не взошедшее светило – Чарли Чаплин», «в

России умерли Лев Толстой, Врубель и Вера Комиссаржевская» [3, с. 14]. Образ Л. Н. Толстого включен в картину уходящего мира, принадлежащего веку прошлому. Пришло время бытования других биографических мифов: «три кита, на которых ныне покоится XX век, – Пруст, Джойс и Кафка – еще не существовали как мифы, хотя и были живы как люди» [3, с. 14].

В элегии, получившей название «Предыстория», отражено представление Ахматовой о 1880-х гг. В 1940 г. она создает образ той, ушедшей героической России Достоевского:

Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
Под желтой керосиновой лампой,
И тот же плюш на креслах... [4, с. 486]

Для Ахматовой желание показать в деталях героизм, красоту, духовность – один из ярких признаков художественного стиля. В беседах она не раз подчеркивает неприятие, например, чеховского предметного мира: «Я не верю людям, которые говорят, что любят и Чехова, и поэзию. В любой его вещи есть “колониальные товары”, духота лавки, с поэзией несовместимая. Герои у него скучные, пошлые, провинциальные. Даже их одежда, мода, которую он выбрал для них, крайне непривлекательна: уродливые платья, шляпки, тальмы. Скажут, такова была жизнь, но у Толстого почему-то та же жизнь – другая, и даже третья» [5, с. 40–41]. Произведения Толстого здесь представлены образцовыми, что подчеркивает живущую в сознании поэта мифологему о великом писателе. Интерпретирована эта мифологема очень по-авторски, поскольку для большинства все же миф о писательском величии Толстого стоит рядом с Чеховым в том числе, крупные художники этого времени обычно объединяются в пару Толстой-

Достоевский либо в триаду Толстой-Чехов-Достоевский. Чеховский же художественный мир для Ахматовой не близок.

В двестишестидесятом году вновь возникает образ Толстого как писательского эталона: «И луковки твоей не тронул золотой, / Глядели на нее и Пушкин, и Толстой» [6, с. 87]. Ахматова раскроет содержание этого произведения в записных книжках: «Я прожила в Москве почти 15 <лет>. Она была доброй хозяйкой, и я знаю, что для меня благо вдыхать ее воздух и смотреть на Ивана Великого, зная, что и П<ушкин> и Лев Толстой смотрели на него» [цит. по: 7, с. 336]. Таким образом Ахматова, используя мифологему величия Толстого и Пушкина, включает себя в их мир и осознает наследницей этого мира. Колокольня Ивана Великого оказывается частью мира и Пушкина, и Толстого, и Ахматовой не просто как часть архитектуры Москвы, а в целом как символ русской культуры, которой принадлежат все три гения.

Еще одно художественное воспоминание – аллюзии к периоду Первой мировой войны, к 1914 г. – «Поэма о начале века». В перечисление примет времени попадает и «Воскресение» Л. Н. Толстого, когда, по мнению поэта, было «все так ясно, просто и достойно» [8, с. 38]. Современность, как и начало XX в., проигрывает веку золотому.

В «Письме о русской поэзии» О. Мандельштам определил развитие А. Ахматовой: «генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не поэзии» [9, с. 239] – и первым оказавшим такое влияние называет именно Л. Толстого и его роман «Анна Каренина». Поэтому восприятие биографического мифа писателя у Ахматовой связано прежде всего с безусловным принятием его художественного гения. Рассказывая о своем визите к А. Блоку, Ахматова вспоминала о самом важном тезисе, который произнес поэт: «Мне мешало писать Лев Толстой» [10, с. 149].

Ахматова прожила достаточно долгую (по сравнению с ее современниками и

коллегами по «цеху») жизнь, сопоставимую с биографией пути Толстого. Будучи рано признанной, имела множество поклонников и корреспондентов, безусловно, несравнимо меньше, чем Лев Николаевич, но и условия ее жизни были особенные. События, происходящие в государстве, и трагедия с ее родными заставляли особенным образом выбирать приятелей и собеседников, круг становился уже, но значительно преданнее. Результатом такого общения стали многочисленные мемуары близких людей, собственные записи, отрывочные воспоминания.

В диалогах часто возникала и фигура Толстого. И со слов собеседников биографический миф писателя интерпретировался Ахматовой иначе, чем в собственноручно написанных текстах. Самая известная мифологема о Толстом, часто повторяемая в подобных воспоминаниях – «мусорный старик». Ахматова происхождение этого эпитета, примененного к фигуре Льва Толстого, раскрывала в беседах с Л. К. Чуковской, отсылая к рассказам З. Б. Томашевской, которая в свою очередь услышала эту историю от своего отца – Б. В. Томашевского. Позже и сама Зоя Борисовна Томашевская рассказывает об отце уже А. Ласкину: «В десятом году он со своим другом и однокурсником Поповым поехал в Ясную Поляну. Приехали, а Толстой умер. Уже собрались назад, а Чертков говорит: “Обязательно поговорите с таким-то, из всех слуг он был ближе всего к Льву Николаевичу”. Встреча состоялась сразу после похорон. Этот человек с удовольствием рассказывает, но почему-то в основном про Софью Андреевну и детей. Папа с Поповым слушают-слушают, но затем перебивают: “Нам хотелось бы узнать о Льве Николаевиче. Софья Андреевна нас как-то меньше интересует”. Тот продолжает – и опять про Софью Андреевну. Они опять: расскажите про Толстого. И тогда он говорит: “Да что Толстой... Мусорный был старик”. Анна Андреевна очень любила эту историю. Часто повторяла: “мусорный старик”» [11, с. 78].

Несмотря на «любовь» всех участников (кроме, видимо, самого Томашевского) к этой истории, содержание мифологемы этой не раскрыто. Вероятно, что в сознании людей первой половины XX в. двойного понимания здесь быть не могло. На сегодняшний же день слова «мусор-мусорить-мусорный» значительно изменили свое первоначальное значение. В. Даль предлагает глагольные варианты «сквернословить», «гнусавить», «лгать», «пустословить» [12, с. 361]. Принимая интерпретатора мифологемы за надежного рассказчика и исходя из контекста, можно предположить, что крестьянин дал свой эвфемизм пустослова в сравнении с деятельной по хозяйству Софьей Андреевной. В этом случае применима мифологема о многословии Толстого, объемности «Войны и мира», масштабы его переписки, черновики, дневники и пр.

В книге воспоминаний об А. Ахматовой З. К. Чуковская последовательно выстраивает позицию поэта по отношению к личности Льва Николаевича: «иронии» [13, т. 1, с. 25] или «смеси негодования и восторга» [13, т. 2, с. 64]. Чаще всего в этих разговорах речь идет об Анне Карениной (подробное исследование персонажного каренинского текста в творчестве

А. Ахматовой изложено в статье А. Кушнера «Анна Андреевна и Анна Аркадьевна» [14]). Несправедливость судьбы героини романа Толстого волновала Ахматову: «главная мысль этого великого произведения такова: если женщина разошлась с законным мужем и сошлась с другим мужчиной, она неизбежно становится проституткой» [13, т. 1, с. 25]. В дневниках и статьях поэта таких резких суждений не нашлось, интерес к Карениной, ее судьбе, ее эпохе, упоминание о явно польстившем ей неожиданном сравнении О. Мандельштама одной Анны с другой (Ахматовой с Карениной) – это лейтмотив толстовского текста в творчестве поэта.

Таким образом, в наследии Ахматовой можно наблюдать два вектора биографического мифа о Льве Толстом: сакральный и профанный. Охранительное направление представлено в ее художественных текстах и биографических воспоминаниях и реализовано прежде всего мифологемой о великом писателе и лучшем представителе эпохи XIX в. Профанный же вектор представлен «со слов» собеседников поэта в мифологемах о многословии писателя и бунтарстве («обожаю, когда старик начинает выбрыкивать» [13, т. 2, с. 185]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лошаков А. Г., Шушарин И. А. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 5. С. 117–127.
2. Курьянова В. В., Сегал Н. А. Толстовский текст в творчестве Р. Акутагавы // Научный диалог. 2021. № 3. С. 218–230.
3. Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью / сост., подгот. текста, коммент., статья С. А. Коваленко. М.: Эллис Лак, 2000, 2001. 800 с.
4. Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941 / сост., подгот. текста, коммент. и статьи Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998. 968 с.
5. Найман А. Г. Рассказы об Анне Ахматовой. М.: Художественная литература, 1989. 306 с.
6. Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. В 2 кн. Кн. 2. Стихотворения. 1959–1966 / сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1999. 528 с.
7. Гончарова Н. Г. О так называемых «дневниковых записях» Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 2011 № 3. С. 327–357.
8. Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Поэмы. Pro domo mea. Театр / сост., подгот. текста, коммент. и статья С. А. Коваленко. М.: Эллис Лак, 1998. 768 с.

9. *Мандельштам О. Э.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Стихотворения. Проза. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. 704 с.
10. *Курьянова В. В.* Толстовский текст в творчестве А. Блока // Учен. зап. Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2020. Т. 6 (72), № 3. С. 147–164.
11. *Ласкин А.* Петербургские тени. СПб., 2017. 174 с.
12. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. И–О. М.: Русский язык, 1999. 779 с.
13. *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие. 1997.
14. *Кушнер А.* Анна Андреевна и Анна Аркадьевна // Новый мир. 2000. № 2. С. 176–188.

REFERENCES

1. Loshakov A. G., Shusharin I. A. Prolegomeny k kontseptsii Pushkinskogo teksta russkoy literatury. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo un-ta. Ser. "Gumanitarnye i sotsialnye nauki"*. 2016, No. 5, pp. 117–127.
2. Kuryanova V. V., Segal N. A. Tolstovskiy tekst v tvorchestve R. Akutagavy. *Nauchnyy dialog*. 2021, No. 3, pp. 218–230.
3. Akhmatova A. *Sobranie sochineniy. In 6 vols. Vol. 5. Biograficheskaya proza. Pro domo sua. Retsenzii. Intervyu.* Ed. S. A. Kovalenko. Moscow: Ellis Lak, 2000, 2001. 800 p.
4. Akhmatova A. *Sobranie sochineniy. In 6 vols. Vol. 1. Stikhotvoreniya. 1904–1941.* Ed. N. V. Koroleva. Moscow: Ellis Lak, 1998. 968 p.
5. Nayman A. G. *Rasskazy ob Anne Akhmatovoy.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 306 p.
6. Akhmatova A. *Sobranie sochineniy. In 6 vols. Vol. 2. In 2 part. Part 2. Stikhotvoreniya. 1959–1966.* Ed. N. V. Koroleva. Moscow: Ellis Lak, 1999. 528 p.
7. Goncharova N. G. O tak nazyvaemykh "dnevnikovyykh zapisyakh" Anny Akhmatovoy. *Voprosy literatury*. 2011, No. 3, pp. 327–357.
8. Akhmatova A. *Sobranie sochineniy. In 6 vols. Vol. 3. Poemy. Pro domo mea. Teatr.* Ed. S. A. Kovalenko. Moscow: Ellis Lak, 1998. 768 p.
9. Mandelshtam O. E. *Sobranie sochineniy. In 4 vols. Vol. 2. Stikhotvoreniya. Proza.* Moscow: Art-Biznes-Tsentr, 1993. 704 p.
10. Kuryanova V. V. Tolstovskiy tekst v tvorchestve A. Bloka. *Uchen. zap. Krymskogo federalnogo un-ta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2020, Vol. 6 (72), No. 3, pp. 147–164.
11. Laskin A. *Peterburgskie teni.* St. Petersburg, 2017. 174 p.
12. Dal V. I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka.* In 4 vols. Vol. 2. I–O. Moscow: Russkiy yazyk, 1999. 779 p.
13. Chukovskaya L. K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoy. In 3 vols.* Moscow: Soglasie, 1997.
14. Kushner A. Anna Andreevna i Anna Arkadyevna. *Novyy mir*. 2000, No. 2, pp. 176–188.

Курьянова Валерия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

e-mail: kuryanova_v@mail.ru

Kurianova Valeria V., PhD in Philology, Associate Professor, Assistant Professor, Russian and Foreign Literature Department, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

e-mail: kuryanova_v@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.07.2022
The article was received on 27.07.2022